

У Хуэйлин снова надела очки. — Вау, ты и вправду, как Цяньянь говорил, спокойный — даже не рассердился, не вспылал.

— Заказывай, что нравится, я дома уже поел, — Пэн Цзэфэн открыл меню и поставил перед У Хуэйлин.

— Тогда не буду стесняться. Я ведь с работы, прямо с ног валюсь. Новый год, а отпустить не могут — совсем обнаглели... — У Хуэйлин ворчала, листая меню. — Кстати, как там Цяньянь с У Кэ?

— Всё так же хорошо ладят.

— И слава богу, — У Хуэйлин улыбнулась и выбрала несколько мясных блюд.

...

— Чем сейчас занимаешься? — У Хуэйлин вообще было интересно, как сложилась жизнь у бывших одноклассников, кто изменился, а кто остался прежним.

— Психотерапевт. А ты?

— Я в иностранной компании, сейчас руковожу отделом. Один проект совсем замучил — круглые сутки на связи дежурь. Но что поделаешь, клиент — гигант, — У Хуэйлин ловко совмещала еду с разговором, видимо, на переговорах натренировалась: пока с партнёром говоришь, хоть немного в желудок покидать.

— Нелёгко.

У Хуэйлин снова рассмеялась. — По тебе не скажешь, что ты так считаешь — совсем не видно сочувствия.

Пэн Цзэфэн промолчал.

У Хуэйлин вытерла рот салфеткой. — Спасибо за угощение. Давай контактами обменяемся?

— Давай.

Обменявшись номерами, У Хуэйлин добавила:

— Вообще-то у меня уже есть человек, который нравится. На свидание загнали, потому что ещё не добилась его и семье нечего предьявить. Так что не бойся, докучать не стану.

— Понял, — Пэн Цзэфэн проводил У Хуэйлин до выхода и поймал для неё такси.

Лишь затем неспешно отправился домой.

Едва переступил порог — и новое задание:

— Дети по соседству психологией очень интересуются, сегодня вечером придут. Уж будь добр, великий мастер, просвети их.

Материнское «будь добр» насторожило Пэн Цзэфэна. — Мама, не надо так. Раз они тебе нравятся, я отнесёсь серьёзно.

— Просто ты общаться не любишь, боялась, тебе неловко будет. Но очень хотелось, чтобы ты им рассказал. Всё-таки ты — моя гордость, отличный психолог, — в голосе Чжао Сьюй прозвучала неподдельная гордость и радость, которых она сама не заметила.

— Знаю, — раз уж приехал, пусть будет по-матерински, лишь бы ей радость.

За ужином.

— А, — Пэн Цзэфэн вдруг опустил палочки.

— Опять что-то забыл? — настороженно спросила Чжао Сьюй.

— Мама, откуда ты знаешь, что я забыл? — удивился он.

На лице Чжао Сьюй ясно читалось: «Я твоя мать, как не знать?» Она отложила палочки. — В старших классах, когда забывал, что завтра уроки, так же делал. Говори, завтра уезжаешь?

— До завтрашнего вечера ещё успею, — Пэн Цзэфэн слегка стушевался. Вчера, планируя, он про встречу не подумал — каждый год одно и то же, скучно, вот и не запомнилось.

В глазах Чжао Сьюй мелькнула грусть, но на словах она отмахнулась:

— Поезжай, поезжай. Ну что за...

Пэн Цзэфэн, глядя на мать, сжалился. — Может, отменю встречу?

Чжао Сьюй твёрдо ответила:

— Нет.

— Ладно.

Юй Фэн и Пэн Шиван молча наблюдали за происходящим.

Видимо, чтобы переменить тему, Чжао Сьюй спросила про свидание:

— Ну, как девочка?

— Ничего.

— Не понравилась — другую найду... Стоп, это что, приглянулась?! — впервые услышав от сына хоть какую-то оценку, Чжао Сьюй оживилась.

— Нет, это одноклассница, девушка надёжная.

Чжао Сьюй словно водой окатили. — Эх.

— У неё уже есть человек.

На сей раз Чжао Сьюй ответила с холодком:

— Ясно.

Пэн Цзэфэн вспомнил, что для перелёта с питомцем нужен карантинный сертификат, — хлопотно. Лучше пока дома оставить, и сказал:

— Внуков в ближайшее время не ждите, а толстого кота хотите?

— Этого чёрного, что у тебя на кровати вечно дрыхнет? Не надо, он же от жира еле ходит, — сказала Чжао Сыюй.

Дао, собиравшийся подкрасться к столу в поисках еды, почувствовал, будто несколько стрел в него угодило.

— Не такой уж он и толстый... Хотя, тон у тебя знакомый — как про меня говоришь.

— Ага, презираю.

Пэн Цзэфэн и Дао: ...

Детский кружок.

Увидев, как дети, усевшись в гостиной рядком, смотрят на него горящими глазами, Пэн Цзэфэн смягчился. Он сел напротив, скрестив ноги. — Если полицейские — герои, что имеют дело с прошлым, судмедэксперты — профессия, что смотрит в будущее, то психолог — это настоящее, процесс.

Дети замерли, поражённые этой простой формулировкой, и, затаив дыхание, уставились на Пэн Цзэфэна.

— Видите ли, работа психолога — опасная и очень тонкая, — Пэн Цзэфэн подозвал Юй Фэна и показал его свежие шрамы.

Как и ожидалось, дети дружно ахнули и зашептались.

Пэн Цзэфэн подождал, пока они утихнут, и продолжил:

— Это ещё и очень трудная профессия. Работая с пациентом, не всегда можно помочь ему разобраться в чувствах, иногда просто бессилён что-либо сделать. И тогда начинаешь сомневаться в своей компетентности, в том, годишься ли вообще для этой работы.

Дети слушали, не до конца понимая, но очень внимательно.

— К тому же, психологические проблемы часто корнями уходят в тяжёлое прошлое, и, узнавая о нём, можно и самому тяжело стать. Они пережили такое, о чём ты и не думал никогда, — всякое бывает.

В начале это и на Пэн Цзэфэна сильно действовало — никто не рождается сразу готовым специалистом. Он тоже когда-то глубоко всё переживал, грустил, злился, поддавался влиянию.

Чёрствость — это потом приходит. Как больничные врачи, повидавшие много смертей, становятся «бесчувственными». Бесчувственность эта не в том, что им всё равно, а в том, что они учатся беречь силы для того, что в их власти, а на то, что изменить нельзя, — не заикливаться.

Когда Пэн Цзэфэн был студентом, он проходил практику в больнице, присутствовал на психотерапевтических сеансах. После выхода врачей он ясно видел, как меняется их настроение — они мгновенно возвращались к своей обычной жизни.

Тогда это казалось ему чёрствым, но на деле это и есть правильный подход.

Как участник, который обязан оставаться наблюдателем, ты должен сохранять твёрдость взглядов, душевное равновесие и смотреть на всё объективно.

— Кто-то не может себя контролировать и идёт на крайние меры; кто-то внешне успешен, а внутри уже отчаялся и сдался; кто-то спасается от реальности в фантазиях; кто-то и сам не понимает, что творит; кто-то запутался окончательно и не знает, где правда, а где ложь...

Пэн Цзэфэн говорил неспешно, с лёгкой наставительностью в голосе. Пусть многое из сказанного детям было ещё не понятно, они слушали, впитывали, и, возможно, запомнят надолго, а когда-нибудь позже вдруг ясно вспомнят.

Юй Фэн как-то сказал, что такой метод стоит в школах применять — тогда двоечников наполовину поубавится.

— Сейчас вам об этом думать не нужно. Если психология вас интересует и вы хотите связать с ней жизнь, задайте себе два вопроса: первый — сможете ли вы смириться с разрывом между идеалом и реальностью? Второй — сумеете ли вы сохранить себя? — Пэн Цзэфэн понимал, что лишь слегка приоткрывает перед ними одну из возможных дорог. Остальное — за ними.

Он не знал, какими дети представляют себе психологию. Наверное, большинство думает, что это волшебная сила, позволяющая читать мысли? Или крутой навык управлять людьми?

Может, психолог в их глазах — уважаемый и могущественный специалист? Который много зарабатывает? Или который постоянно за людьми подглядывает?

Что же их так манит?

Пэн Цзэфэн счёл их милыми.

<http://bllate.org/book/16276/1465637>